

О.В. Новоселова

Тверская государственная сельскохозяйственная академия, г. Тверь

**ФЕНОМЕН «СПРАВЕДЛИВОГО СЛОВА»
ИЛИ О ПРАГМАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ
КОММУНИКАТИВНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ
THE PHENOMENON OF "A FAIR WORD" OR A PRAGMATIC
CATEGORY OF COMMUNICATIVE FAIRNESS**

Ключевые слова: дискурсивная практика, прагматическая категория коммуникативной справедливости, феномен «справедливого слова», коммуникативно справедливые практики, социальное взаимодействие

Keywords: discursive practice, pragmatic category of communicative fairness, phenomenon of «a fair word», communicative fair practices, social interaction

В работах по теории коммуникации и функционально-семантическому описанию дискурсивных практик отмечается, что процесс обмена диалогическими репликами во многом зависит от соблюдения или нарушения «прагматических аксиом» или норм общения (Schank, 1981; 1981a; Schwitalla, 1979), вплетенных в определенную систему общественно-значимых убеждений, установок и ценностей. По этой причине значительное количество лингвистических исследований посвящено вопросам выявления речевых норм, постулатов, конвенций, правил, аксиом, максим и коммуникативных категорий, которыми руководствуются собеседники в процессе их диалогического (дискурсивного) взаимодействия. При этом важная роль отводится знаниям участников диалога о коммуникативных категориях и прагматических правилах, которые позволяют им упорядочивать свои представления о процессе общения и его нормах, организовывать и регулировать ход своего интерактивного взаимодействия, а также влияют на выбор собеседниками средств языковой репрезентации своего иллокутивного намерения и помогают систематизировать и оценивать адресованные им сообщения (Романов, 1988).

Так, контекст современного функционально - семантического подхода к изучению языковых явлений помещает в фокус внимания исследователей целый ряд коммуникативных норм, постулатов и категорий, направленных на выявление роли «человеческого фактора» в социальной интеракции (Романов, Романова, 2009: 6), а также на установление и поддержание согласованного общения партнеров по диалогу в тех или иных жизненных сценариях. Другими словами, центральное положение в условиях возрастающего интереса к функциональному описанию языка отводится говорящему субъекту, языковой личности или *homo loquens*, а описание грамматических и лексических категорий остается на втором плане и является предметом традиционной лингвистики (В. Гумбольдт, А.А. Потебня, А.В. Бондарко, Р. Якобсон, А.А.Реформатский, В.А. Виноградов и др.).

Несмотря на широкий интерес исследователей к проблемам описания языковых структур, участвующих в социальной интеракции, и эффективности их использования для решения конкретных задач диалогического взаимодействия, в отечественном и зарубежном языкознании не достаточно уделялось внимания категории *коммуникативной справедливости* как самостоятельной прагматической (или регулятивной – в терминологии научной школы «Динамическая модель диалога» профессора А.А. Романова) категории, способной оказывать влияние на процесс социальной интеракции между участниками диалога и на установление отношений между ними в ходе реализации реплик (и шире – фреймов) различной иллокутивной и тематической направленности. В частности, категории коммуникативной справедливости не было посвящено отдельного функционально - семантического лингвистического исследования, позволившего выделить обязательные признаки, необходимые и достаточные для вхождения отдельного языкового явления (дискурсивной практики, высказывания, реплики) в содержательный объем данной прагматической категории.

Очевидно, отсутствие подобного описания рассматриваемой категории может быть объяснено тем, что коммуникативная справедливость представляет собой скрытую прагматическую категорию (см. подробнее о скрытом классе (*covert category*) или криптокласс (*cryptotype*): Whorf, 1956; Уорф, 1972; Романова, 2007), а ее выделение как самостоятельной прагматической (или регулятивной) категории, и, следовательно, изучение ее роли в формировании и развертывании «типовых скриптов жизненных сценариев индивида» (Романов, Романова, 2009) представляют собой достаточно сложную задачу (Новоселова, 2015а; 2015б). Тем не менее, неоправданное игнорирование исследователями прагматического феномена коммуникативной справедливости не свидетельствует о том, что этой категории не существует в ментальном пространстве носителей языка. Действительно, ее существование, функционирование и активное применение к актам социального взаимодействия проявляется в том, что каждый участник диалога в состоянии определить на основании языковых, иллокутивных и прагматических знаний (Романов, 1991) коммуникативную справедливость его дискурсивной практики, а также практики, адресованной ему.

Подтверждением этой точки зрения является ряд фрагментов социальной интеракции, в которых содержатся указания на оценку дискурсивных практик собеседников с позиции коммуникативной справедливости (здесь и далее ключевые фразы выделены жирным полукурсивом). Например, рус.:

(1) – *Ну, прощай, Мари, – сказала Наташа. – Знаешь, я часто боюсь, что мы не говорим о нем (князе Андрее), как будто мы боимся унизить наше чувство, и забываем.*

Княжна Марья тяжело вздохнула и этим вздохом признала **справедливость слов Наташи**; но словами она не согласилась с ней (Толстой, 1991).

(2) – *Не наше?! – закричал и Костя. И уставился на сестру, и смолк, в поисках сильного **справедливого слова**. – А чье же? Не наше?..* (Шукшин, 2016а)

(3) « ... этот человек оглох навсегда для всякого **справедливого слова**» (Шукшин, 1982: 356)

(4) – *Comment me prouvez vous la vérité de ce que vous me dites? [Чем вы докажете мне **справедливость** ваших слов?]* – сказал Даву холодно. (Толстой, 1991).

(5) *Она взяла от Николая чернильницу.*

– *Сейчас, сейчас,* – сказал он, *мокая перо.*

– *Вы все умеете делать не во-время,* – сказала Вера. – *То прибежали в гостиную, так что всем совестно сделалось за вас.*

*Несмотря на то, или именно потому, что **сказанное** ею было **совершенно справедливо**, никто ей не отвечал, и все четверо только переглядывались между собой. Она медлила в комнате с чернильницей в руке* (Толстой, 1991).

(6) *Старшая, Вера, была хороша, была неглупа, училась прекрасно, была хорошо воспитана, голос у нее был приятный, то, что она сказала, было **справедливо и уместно**; но, странное дело, все, и гостья и графиня, оглянулись на нее, как будто удивились, зачем она это сказала, и почувствовали неловкость.*

– *Всегда с старшими детьми мудрят, хотят сделать что-нибудь необыкновенное,* – сказала гостья (Толстой, 1991).

Ср. также англ.:

(7) *"Control your unfortunate temper, Percival," he said "Lady Glyde is right."*

"Right!" cried Sir Percival. "A wife right in distrusting her husband!"

*"It is **unjust and cruel to accuse** me of distrusting you," said Laura. "Ask Marian if I am not justified in wanting to know what this writing requires of me before I sign it." (Collins, 2010)*

Дискурсивный фрагмент (7) в переводе на русский язык Т.И. Лещенко-Сухомлиной (7¹):

– *Сдержите ваш необузданный нрав, Персиваль,* – сказал он. – *Леди Глайд права.*

– *"Права"! – вскричал сэръ Персиваль. – Жена права, не доверяя своему мужу!*

– ***Несправедливо и жестоко обвинять** меня в недоверии к вам,* – сказала Лора. – *Спросите у Мэриан, не права ли я, желая узнать, к чему обязывает меня подпись, прежде чем подписаться.*

– *Я не потерплю никаких обращений к мисс Голкомб!* – оборвал ее сэръ Персиваль. – *Мисс Голкомб не имеет к этому никакого отношения* (Коллинз, 1989).

(8) *“Neither of you can object?” continued the major, interrogatively.*

*“I sha’n’t object to anything that’s **fair**,” assented the Irishman—“devil a bit!” (Reid, 2010)*

Дискурсивный фрагмент (8) в переводе на русский язык А. Макаровой (8’):

– *Надеюсь, ни один из вас не возражает?* – продолжал майор вопросительно.

– *Я не могу возражать против **справедливого требования**,*– ответил ирландец (Рид, 1984).

(9) *“I don’t want to be inquisitive, Lester. I didn’t come up for that. I’m simply here because the family felt that I ought to come. Mother was so very much distressed that I couldn’t do less than see you for her sake —” he paused, and Lester, touched by the **fairness** and respect of his attitude, felt that mere courtesy at least made some explanation due (Dreser, 2010).*

Дискурсивный фрагмент (9) в переводе на русский язык Н. Галь и М. Лорие (9’):

– *Я не хочу допрашивать тебя, Лестер. Я не за тем приехал. Просто наши просили меня с тобой повидаться. Мама была в таком отчаянии, что я обязан был это сделать, хотя бы ради нее...*

*Он умолк, и Лестер, тронутый таким почтительным и **справедливым замечанием**, почувствовал, что наотрез отказаться от объяснений было бы просто неучтиво (Драйзер, 1986).*

(10) *“No!” exclaimed the stripling Henry, who, although riding a few paces ahead, had overheard the conversation. “Your suspicions are **unjust**, cousin Cassius. I pronounce them a calumny. What’s more, I can prove them so. Look there!” (Reid, 2010)*

Дискурсивный фрагмент (10) в переводе на русский язык А. Макаровой (10’):

– *Нет, – воскликнул Генри, который хотя и ехал немного впереди, но слышал весь разговор, – твои **подозрения несправедливы**, Кассий! Это клевета. И я могу это тебе доказать. Посмотри-ка сюда (Рид, 1984).*

(11) *“When do you want to go?” he asked, interrupting me without ceremony. “Don’t suppose I am anxious to keep you—don’t suppose I care about your leaving the house. I am perfectly **fair** and **open** in this matter, from first to last. When do you want to go?”*

“I should wish to leave at your earliest convenience, Sir Percival.” (Collins, 2010)

Дискурсивный фрагмент (11) в переводе на русский язык Т.И. Лещенко-Сухомлиной (11’):

– *Когда вы хотите уходить?* – бесцеремонно перебил он меня. – *Не подумайте, что я желаю, чтоб вы оставались, и намерен вас уговаривать. Я **справедлив** и **откровенен** всегда и во всем. Когда вы хотите уходить?*

– *Мне хотелось бы уйти как можно скорее, если вам это удобно, сэръ Персиваль (Коллинз, 1989)*

Становится понятным, что вклад одного из собеседников в диалог может быть оценен другим как прагматически справедливый или несправедливый. Однако, исходя из представленных выше примеров, не представляется возможным выяснить, на основании каких именно однозначных критериев собеседникам удалось определить, что было совершенно коммуникативно справедливое или несправедливое речевое действие. Тем не менее, на основании рассмотренных примеров можно сделать ряд предположений, а именно:

– «справедливость слов» и согласие с точкой зрения собеседника нетождественны друг другу (пример №1);

– поиск «сильного справедливого слова» означает использование инициатором убедительных высказываний, способных оказать сильное прагматическое воздействие на собеседника (примеры №2 и 3);

– справедливость слов основана на их доказательности (примеры №4), уместности (примеры №5, 6, 8 и 8'), а также на откровенности (пример №11 и 11') и почтительном отношении к собеседнику (примеры №9 и 9');

– несправедливость слов отождествляется с проявлением жестокости в речи и основана на бездоказательности слов (примеры №7 и 7').

В этом плане важно не смешивать прагматическую справедливость или справедливость слов с констативными высказываниями-представлениями (или описаниями) собеседников о социальной, политической или экономической справедливости, которые также реализуются в актах социальной дискурсии. Ср., например, рус.:

(12) Секретарь не разобрал, по какому вопросу пришел лысый.

– Что?

– Насчет алиментов.

– Каких алиментов?..

Лысый снисходительно поморщился.

– Ну, с меня удерживают... Я считаю, несправедливо. Я вот здесь подробно, в письменной форме... – Он стал вынимать из желтого портфеля листы бумага.

– Вот тут на улице, за углом, прокуратура, – показал секретарь, туда.

Лысый стал вежливо объяснять:

– Не в этом дело, товарищ секретарь. Они не поймут... Я уже был там. Здесь нужен партийный подход... Я считаю, что так как у нас теперь установка на справедливость...

Секретарь устало прислонился спиной к дверному косяку.

*– Идите к черту, слушайте!.. Или еще куда! **Справедливость!** Вот по справедливости и будете платить.*

Лысый помолчал и дрожащим от обиды голосом сказал:

– Между прочим, Ленин так не разговаривал с народом. – Повернулся и пошел на выход совсем в другую сторону. – Все начисто забыли!

– Не туда, – сказал секретарь. – Вон выход-то! (Шукшин, 2016).

В приведенном примере (12) не содержится эксплицитной оценки собеседниками прагматической справедливости адресованных им

высказываний. В тематическом плане этот фрагмент посвящен таким разновидностям категории справедливости как экономическая и социальная (см. о разновидностях справедливости: Новоселова, 2015) и содержит вербальную репрезентацию собеседниками своих представлений только об этих разновидностях справедливости. При этом отсутствие вербальной оценки собеседников обращенных к ним реплик с позиции прагматической справедливости не означает, что каждая реплика из приведенного фрагмента (12) не может быть оценена ее адресатом как прагматически справедливая или несправедливая (см. аналогию с примерами №1 – 11).

Действительно, каждая реплика из представленного фрагмента может быть оценена собеседниками с точки зрения ее доказательности, откровенности, уместности или прагматической справедливости, что находит проявление если не в вербальной реакции партнера по диалогу, то в аспекте дальнейшего сотрудничества по достижению поставленных целей взаимодействия. Другими словами, собеседникам удается оценить коммуникативно-прагматическую справедливость высказываний на основе ряда противоречивых субъективных критериев (см. примеры №1–12), а также путем ее соотнесения с такими коммуникативными категориями как уместность, откровенность, доказательность, убедительность и др.

В связи с указанной противоречивостью и размытостью феномена прагматической справедливости заслуживает отдельного исследования вопрос соотношения данной коммуникативной категории не с субъективными представлениями о ней собеседников, а с рядом изученных в общем и германском языкознании коммуникативных категорий, что позволит выявить как *общие* признаки, характерные для категории коммуникативной справедливости и других, смежных с ней коммуникативных категорий, так и *уникальный* набор признаков, характеризующий и выделяющий данную коммуникативную категорию.

Однако в рамках настоящей работы представляется важным сделать акцент на то, что неизученность феномена справедливости как коммуникативной категории не означает, что идеи справедливости не представляли широкий интерес для исследователей с позиций философского и социологического подходов (Новоселова, 2015). Анализ и обобщение выделенных в различных исследованиях составляющих признаков (элементов) идеи справедливости позволили заключить, что, несмотря на постоянную трансформацию ее содержательных характеристик с античных времен до настоящего времени, она не утратила свой *сквозной* признак, а именно идею равенства и пропорционального неравенства при обмене ценностями разного уровня. Поэтому указанный сквозной признак феномена справедливости применим к описанию диалогического обмена репликами собеседников с некоторыми особенностями, проявляющимися с позиций лингвистического подхода к данной категории.

В частности, на первое место для категории прагматической справедливости выходит идея обмена собеседниками репликами в определенных пресуппозициональных условиях протекания их диалога, в

основе которой лежит принцип обоюдной оценки вклада в диалог каждого из коммуникантов и своего собственного по признаку соответствия (или пропорционально) типу взаимодействия. Так, в представленных выше примерах были обнаружены различные интенциональные типы высказываний, которые были оценены их адресатами как прагматически несправедливые, а именно высказывания со значением обвинения (пример № 7 и 7'), требования (пример № 8 и 8'), замечания (9 и 9') и др.

При этом важно помнить, что собеседники участвуют в социальном взаимодействии с различными иллокутивными целями, не ставя при этом перед собой задачу поступить, например, прагматически справедливо или несправедливо. Так, партнер по диалогу может просить или приказывать, не потому, что он несправедлив по отношению к своему собеседнику, а потому, что просьба или приказ являются его коммуникативной интенцией и в пресуппозиционных условиях соответствующего прагматического фрейма «просьба» или «приказ» ему необходимо реализовать свое коммуникативное намерение (так как другие варианты выполнения своей социальной роли для него не приемлемы).

С этих позиций можно утверждать, что выбор собеседниками того или иного типа фреймового взаимодействия оправдан рамками жизненных сценариев и основан на знаниях коммуникантов о том, какие типовые речевые действия необходимо (и позволительно) выполнять каждому участнику диалога. В том случае, если выбор фрейма и распределение коммуникативных ролей основаны на учете собеседниками пресуппозициональных факторов действительности и если они успешно выполняют закрепленные за ними роли, то их взаимодействие будет считаться прагматически оправданным и справедливым. Например, типовые условия реализации иллокутивного потенциала подтипа «требование» директивного фрейма (подробнее о прагматической типологии фреймов см.: Романов, 1988) в ситуациях, обусловленных социально-возрастными отношениями собеседников, предполагают, что инициатор требования (выделено полужирным курсивом) обладает определенным социальным статусом и достаточными полномочиями для его совершения, а адресат, в свою очередь, в состоянии оценить адресованное ему требование как социально приемлемое и, следовательно, коммуникативно справедливое (англ.):

(12) *“Yes,” said her mother. “**Don’t forget to rub into these little corners. Look here what you’ve left.**”*

Jennie, mortified by this correction, fell earnestly to her task, and polished vigorously, without again daring to lift her eyes (Dreiser, 2010).

Дискурсивный фрагмент (12) в переводе на русский язык Н. Галь и М. Лорие (12’):

– Да, – сказала мать. – **Не забывай протирать вот тут, в уголках. Смотри, сколько грязи ты оставила.**

Дженни, огорченная этим замечанием, усердно взялась за работу и терла изо всех сил, уже не смея больше смотреть по сторонам (Драйзер, 1986).

Ср. также коммуникативно несправедливое приглашение (выделено полужирным курсивом) в ситуации, обусловленной институциональными отношениями собеседниками: инициатор – посетитель почтового отделения, адресат – сотрудница почтового отделения (рус.):

(13) – У вас есть молодой человек? – прямо спросил Егор.

– А вам что? – тупоносенькая вроде не очень удивилась, а даже оставила работу и смотрела на Егора.

– Я в том смысле, что не могли бы мы вместе совершить какое-нибудь уникальное турне по городу?

– Гражданин!.. – строго повысила голос девушка. – Вы не хамите тут! Вы деньги переводите? Вот и переводите (Шукшин, 1982).

Итак, на основании проведенного исследования можно заключить, что прагматическая категория коммуникативной справедливости применима ко всем типовым сценариям интерактивного взаимодействия и может быть использована для оценки любых интенциональных типов языковых конструкций, что во многом расширяет возможность комплексного описания типовых ситуаций коммуникативного взаимодействия. Точнее говоря, оценка коммуникативной справедливости той или иной дискурсивной практики напрямую не связана с формой ее языкового выражения, так как для этой прагматической категории решающим фактором является план установления отношений между собеседниками в ходе реализации типовых фреймовых сценариев.

Литература

1. Новоселова О.В. Категория коммуникативной справедливости как прагматический феномен // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015. – № 1. – С. 34 - 47. – Режим доступа: <http://tverlingua.ru>.

2. Новоселова О.В. Коммуникативная справедливость как прагматический конструкт // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015а. – № 2. – С. 59 - 74. – Режим доступа: <http://tverlingua.ru>.

3. Новоселова О.В. Функциональные характеристики дискурса коммуникативной справедливости // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015б. – № 3. – С. 88 - 100. – Режим доступа: <http://tverlingua.ru>.

4. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, Калининский СХИ, 1988. – 183 с.

5. Романов А.А. Иллокутивные знания, иллокутивные действия и иллокутивная структура диалогического текста // Текст в коммуникации. – М. –Тверь, 1991. – С. 82-100.

6. Романов А.А., Романова Л.А. Притяжение перформатива. Очерки по теории перформативности от Дж.Л. Остина до наших дней. – М.: ИЯ РАН, «Агросфера» Тверская ГСХА, 2009. – 156 с.
7. Романова Л.А. Конструктивная семантика криптокласса английских прилагательных размера в диахронии и синхронии. – Москва - Тверь: ИЯ РАН, ТвГУ, Издательство «Агросфера» ТГСХА, 2007. – 120 с.
8. Уорф Б. Ли. Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М., 1972. – С. 7 - 21.
9. Schank G. Gliederungssignale und Gesprächsorganisation. Ein Beitrag zu einer Dialoggrammatik. – Hamburg, 1981. – S. 32-50.
10. Schank G. Untersuchungen zum Ablauf natürlicher Dialoge. – München: Fischer, 1981a. – 325 S.
11. Schwitalla Y. Dialogsteuerung in Interviews. Ansätze zu einer Theorie der Dialogsteuerung mit empirischer Untersuchungen. – München: Fischer, 1979. – 351 S.
12. Whorf B.L. Language: Thought and Reality // Selected writings of Benjamin Lee Whorf. – Cambridge, 1956. – 156 p.

Список источников примеров

1. Драйзер Т. Дженни Герхардт / Пер. с англ. Н. Галь и М. Лорие // Собрание сочинений в двенадцати томах. Т.2. – М.: Правда, 1986. – 352 с.
2. Коллинз У. Женщина в белом: Роман / Пер. с англ. Т.И. Лещенко-Сухомлиной. – М.: Детская литература, 1989. – 669 с.
3. Рид М. Всадник без головы: Роман. / Переизд.: Пер. с англ. А. Макаровой. – Л.: Лениздат, 1984. – 509 с.
4. Толстой Л. Война и мир. Роман-эпопея. В четырёх томах. Том 3 и 4. – М.: Советская Россия, 1991. – 324 с.
5. Шукшин В. Калина красная // Я пришел дать вам волю. – Кишенев, Литература артистикэ, 1982. – С. 302-359.
6. Шукшин В. Коленчатые валы [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – 2016. – Режим доступа: <http://modernlib.ru>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ., 20.01.16.
7. Шукшин В. М. Други игрищ и забав [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – 2016а. – Режим доступа: <http://detectivebooks.ru>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ., 20.01.16.
8. Collins W. The Woman in White [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – 2010. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ., 20.11.10.
9. Dreiser T. Jennie Gerhardt [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – 2010. – Режим доступа: <http://ebooks.adelaide.edu.au>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ., 20.11.10.

10. Reid M. The Headless Horseman [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – 2010. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ., 20.11.10.

(0,5 п.л.)